Ла Мэй в ужасе смотрела на Тан Фана, как на привидение.

И не она одна: окружающие, услышав эти слова, также замерли в удивлении.

Ван Джи был достаточно проницателен, чтобы, взглянув на лицо Ла Мэй, понять, что Тан Фан оказался прав.

Он недоверчиво перевел взгляд на ее живот:

— Это правда? Как ты об этом узнал? – спросил он Тан Фана.

Тан Фан ничего не ответил, продолжая внимательно изучать выражение лица Ла Мэй:

— Ты служила молодой госпоже Чжоу на протяжении многих лет и не предала бы ее без веской причины. Ты хотела кого-то защитить? Человека, который все это провернул? Кто он? Отец твоего ребенка?

Ла Мэй уже не раз попадала в ситуации, когда ей задавали вопросы один за другим, все сильнее и сильнее загоняя в тупик. Однако все, что она могла, это отчаянно качать головой, не зная, как иначе опровергнуть слова Тан Фана. Она не отличалась красноречием, а посему ранее старалась особо ничем не выделяться и оставаться до последнего незаметной. Но теперь, когда Тан Фан раскрыл ее, окружающие также решили, что Ла Мэй, действительно, выглядела достаточно подозрительно.

Видя, как девушка, решительно сжав зубы, молча опустила голову, не желая отвечать им, Ван Джи слегка кивнул державшему ее служащему Западной Ограды.

Тот, догадавшись, что от него требуется, тотчас сделал вид, что собирается ударить ее мечом в живот.

— Если он продолжит, – равнодушно проговорил Ван Джи, – ребенка в твоей утробе будет не спасти. А если не оказать вовремя помощь, этот удар унесет две жизни разом.

Западная Ограда знала, как развязать язык.

Услышав это, Ла Мэй сильно побледнела, задрожала всем телом и, закусив губу, тихо заплакала.

Тан Фан с Ван Джи молча ждали, пока она сдастся, однако госпожа Лин оказалась не в состоянии больше терпеть. Она бросилась к Ла Мэй и принялась что есть силы бить ее по лицу, пока из уголка губ девушки не потекла струйка крови, а щеки не покраснели и не опухли. Госпожа Лин кричала:

— Разве ты не помолвлена с сыном управляющего передним двором? Это его грязное семя? Это Чжоу велела тебе сделать это? Говори! Говори!

Трагическая кончина сына разбила ее сердце и довела до истерики.

Дабы узнать, кто убийца, госпожа Лин из последних сил контролировала дыхание, чтобы снова

не потерять рассудок.

Тан Фан с Ван Джи слегка нахмурились, но прежде, чем они успели что-то сказать, Хань Фан вышел вперед и отвел госпожу Лин в сторону.

— Дорогая, дорогая! Успокойся и просто подожди! Она все сама скажет!

— Господин, у меня болит сердце! А Цзао был таким милым и умным ребенком! Сколько можно ждать?! Они просто стоят и смотрят! – воскликнула госпожа Лин, упав в объятия Хань Фана.

— Я понимаю, я понимаю! – Хань Фан также был очень расстроен. Он успокаивающе похлопал ее по спине и передал в руки служанки, чтобы та поддерживала ее.

Тан Фан вновь взглянул на испуганную Ла Мэй, все еще хранившую молчание.

— Это Хань Хуэй? – неожиданно спросил он.

Ла Мэй вздрогнула.

— Отец твоего ребенка – Хань Хуэй, – Тан Фан понял, что его догадка оказалась верной.

Ван Джи отреагировал молниеносно: услышав слова Тан Фана и увидев выражение лица Ла Мэй, он тотчас отдал своим людям приказ: «Привести сюда Хань Хуэя! Немедленно!»

— Есть, – служащие Западной Ограды поспешили выполнить его команду.

— С чего ты взял, что Ла Мэй и Хань Хуэй находятся в незаконных отношениях? – спросил Ван Джи Тан Фана.

— Помнишь первые слова мальчика-слуги Хань Цзао, которые он произнес в прошлый раз, когда мы с ним встретились? – отозвался тот.

— Конечно не помню! – Ван Джи озадаченно посмотрел на него. – Так что он сказал?

Тан Фан вздохнул: «Увидев нас с Хань Хуэем, он воскликнул: «Молодой господин, Вы пришли!» Что это значит? Это значит, что до этого Хань Хуэй не навещал слугу Хань Цзао. И это был его главный просчет! Хань Хуэй говорил, что был близок с Хань Цзао и тот вырос у него на руках. Его брат умер по неизвестной причине, а во дворец в тот день его провожал мальчик-слуга. Но Хань Хуэй не стал навещать запертого госпожой Лин Сяо Гао, чтобы расспросить о том, как умер Хань Цзао. С чего вдруг? Есть только одно объяснение: Хань Хуэй прекрасно знал причину смерти своего брата, но, испугавшись просчитаться, после того как госпожа Лин заперла слугу, решил прикинуться неосведомленным.

Кроме того, во время беседы с нами он, намеренно или нет, сводил разговор к госпоже Лин, а затем, воспользовавшись тем, что мы решили с ней встретиться, позволил нам узреть ее нестабильное состояние. Мы решили, что из-за ее плохого характера у нее должно быть немало врагов в семье Хань и что кто-то из них решил навредить Хань Цзао, чтобы отомстить госпоже Лин. Таким образом, он заставил нас поверить в то, что смерть Хань Цзао была связана с конфликтами между женщинами семьи Хань, в частности с молодой госпожой Чжоу.

Они с госпожой Лин враждовали, а ее покойный муж был врачом. Она подходила на роль убийцы.

Все тайное рано или поздно становится явным. Лучше не делать ничего, чем сделать слишком много. Чем старательнее пытаешься что-то скрыть, тем больше ошибок допускаешь, тем больше следов оставляешь. Если не хочешь, чтобы кто-то узнал о чем-то, лучше затаись. Хань Хуэй подготовил и подкинул нам все доказательства вины молодой госпожи Чжоу, даже иглу под нос подбросил и… перестарался.

Когда мы пришли сюда в прошлый раз, я заметил, что Ла Мэй время от времени касалась нижней части живота рукой. Почему? Если болит живот, мы поглаживаем его. Если болит голова, мы массируем голову. А нижняя часть живота? Может, она чувствовала боль? Однако лицо Ла Мэй было ровным, словно ничего не случилось. Когда молодую госпожу Чжоу уводили, она не посмела остановить или задержать служащих, как будто боялась, что ее могут толкнуть. Нужно было всего лишь присмотреться повнимательнее, а сложить один плюс один оказалось несложно».

Что значит «сложить один плюс один оказалось несложно»? Ван Джи чуть не скривился от такого, казалось бы, скромного замечания Тан Фана.

Ван Джи считал себя очень наблюдательным человеком, но даже он не обратил внимания на такие детали.

Другими словами, некоторых людей подобным талантом наградили сами Небеса.

Ван Джи никогда бы не признался в том, как на самом деле восхищается Тан Фаном.

Закончив свою речь, Тан Фан вновь посмотрел на Ла Мэй:

— Разве я не прав? Нам привести врача, чтобы он проверил тебя?

— А заодно и избавился от ребенка, – холодно добавил Ван Джи.

Ла Мэй наконец испугалась не на шутку, слезы лились из ее глаз ручьем. Она хотела броситься вперед, однако служащие Западной Ограды крепко держали ее. Все, что она могла, это кричать, умоляюще глядя на Тан Фана:

— Нет! Господин, пожалуйста, пощади меня! Пощади моего ребенка! Он ни в чем невиновен!

— Это Хань Хуэй? – пристально глядя на нее, повторил свой вопрос Тан Фан.

— … да, – ответив так, она ослабла в руках державших ее служащих, как будто с признанием последние силы покинули ее.

— Если хочешь, чтобы к тебе отнеслись снисходительно, придется рассказать все как есть, – продолжил Тан Фан.

Она уже начала признаваться, а значит, смущаться более было нечего.

Вытерев слезы, Ла Мэй принялась рассказывать свою историю, начав со знакомства с Хань

Хуэем.

Когда молодая госпожа Чжоу овдовела, Ла Мэй следом за ней отправилась на север. Будучи лишь маленькой служанкой из небольшой семьи, она ничего не знала об этом мире. После того как они поселились под крышей семьи Хань, им более не нужно было беспокоиться о том, что кто-то будет притеснять молодую вдову, однако в больших семьях всегда много конфликтов.

Хань Хуэй, молодой господин из семьи второго сына Хань Ци, был образованным и мягким человеком, но ему очень не повезло с приемной матерью, госпожой Лин. Та сильно придиралась к нему и даже полагала, что ее свекровь послала его, чтобы следить за ней. Отношения между матерью и сыном были ужасными.

Видя, как тот дрожит в страхе перед своей матерью, Ла Мэй прониклась к нему сочувствием. Иногда, по воле судьбы, они обменивались парой фраз. С этого и началась первая любовь Ла Мэй. Хань Хуэй также влюбился в хорошенькую горничную.

Их отношения развивались, однако молодая госпожа Чжоу, послушав совета своей тети, нашла для Ла Мэй жениха – сына управляющего передним двором. Молодая госпожа Чжоу решила, что он удачная партия для Ла Мэй. Она не знала, что та уже давно отдала свое сердце другому.

Эта новость для Ла Мэй была подобна грому. Она тотчас побежала к Хань Хуэю.

Для Хань Хуэя Ла Мэй была не просто увлечением, он хотел сделать ее своей наложницей. Конечно, с ее-то статусом, Ла Мэй не могла стать его женой. Она прекрасно знала об этом и все же была согласна на такой исход.

Кто же знал, что господа внезапно решат брак Ла Мэй? Эти двое оказались в сложной ситуации. Хань Хуэй не мог обратиться к госпоже Лин за помощью, так как знал, что приемная мать не поможет ему с его просьбой из-за ненависти к молодой госпоже Чжоу. Хань Фан, хоть и любил Хань Хуэя, все-таки был мужчиной. Ему не полагалось вмешиваться в домашние дела. Поэтому Хань Хуэй пошел к хозяйке семьи, жене Хань Ци, тете молодой госпожи Чжоу, госпоже Чжоу.

Госпожа Чжоу не любила внуков от второго сына, а потому отказала Хань Хуэю в его просьбе отдать Ла Мэй ему в наложницы. Боясь осуждения, тот не упомянул, что уже вступил с ней в контакт.

Ладно, больше никаких сплетен. Независимо от того, насколько нелегко им пришлось и сколько трудностей выпало на их долю, важно лишь то, что чувства между Ла Мэй и Хань Хуэем оказались достаточно глубокими и серьезными.

В это самое время, втайне встречаясь с Хань Хуэем, Ла Мэй обнаружила, что тот ведет себя несколько странно. После ее настойчивых расспросов Хань Хуэй так и не открыл ей правды, поэтому она решила, что госпожа Лин снова ни за что отчитала его. Все, что она могла, это утешить любимого.

Затем Хань Хуэй начал расспрашивать ее об акупунктурных точках. Ла Мэй ничего не подозревала, поэтому научила его парочке хитростей, и подробно объяснила, что с некоторыми следует быть крайне осторожным. Хань Хуэй был достаточно умен, чтобы запомнить все, что она ему рассказала. Он был внимательным и прилежным учеником, постоянно расспрашивал

ее о том, на сколько цуней можно вставлять иглу в каждую из точек. На вопрос Ла Мэй, зачем ему это, тот ответил, что у его матери, госпожи Лин, плохое здоровье, и он хочет научиться иглоукалыванию и прижиганию, чтобы задобрить ее и избежать упреков в свой адрес.

Спустя некоторое время Ла Мэй с ужасом обнаружила, что кровь у нее не шла уже два месяца. Покойный муж молодой госпожи Чжоу был доктором в аптеке, да и сама госпожа неплохо разбиралась в медицине. Ла Мэй повсюду следовала за ней и даже была в состоянии самостоятельно выписать несколько рецептов от простых болезней. Конечно же она сразу поняла, что не больна, а беременна.

В этот же день Хань Хуэй внезапно нашел ее и попросил спрятать серебряную иглу в покоях молодой госпожи Чжоу.

Ла Мэй не обладала богатым жизненным опытом, однако была не глупой девушкой. Она спросила Хань Хуэя, зачем он это сделал.

Вначале он отказывался отвечать, поэтому Ла Мэй пришлось рассказать ему о своей беременности.

Потрясенный этой новостью, Хань Хуэй все-таки вкратце объяснил, в чем дело. Однако поведал он ей явно не все: лишь о причине смерти Хань Цзао, о том, что Императорский Двор отправил людей для расследования, и о том, что те, скорее всего, скоро придут с обыском в особняк Хань. Поэтому он и нуждался в ее помощи.

На одной чаше весов была ее госпожа, а на другой – отец ее ребенка. Оказавшись в столь затруднительном положении, Ла Мэй все-таки решила поступить так, как сказал Хань Хуэй.

Так Тан Фан с Ван Джи и нашли сломанную серебряную иглу в покоях молодой госпожи Чжоу.

Во внутренний двор молодой госпожи Чжоу полагалось входить только женщинам. Даже детям вроде Хань Цзао запрещалось свободно бегать там, что уж говорить о Хань Хуэе! Только Ла Мэй, которая жила в этом дворике, могла подкинуть серебряную иглу до того, как Тан Фан придет туда с обыском.

Благодаря признанию Ла Мэй стало ясно, что произошло. Правда наконец открылась.

В это время с докладом вернулся один из служащих, которых Ван Джи отправил арестовать Хань Хуэя:

— Командующий, когда эти подчиненные пришли в Императорскую академию, чтобы задержать его, этот сопляк уже прознал о случившемся и сбежал. Остальные отправились в погоню, тогда как этот подчиненный прибыл доложить Командующему!

Ван Джи помрачнел:

— Вы все мусор! Не смогли поймать ученого, который даже с курицей не справится! Без него и возвращаться не смейте!

Служащий был так пристыжен словами Командующего Вана, что не смел и рта открыть.

Госпожа Лин внезапно вырвалась из рук Хань Фана, с силой толкнув его, и закричала:

— Посмотри! Посмотри! Когда твоя мать настаивала на том, что мы должны усыновить Хань Хуэя, я не соглашалась! И что теперь?! Мы пригрели на груди змею, которая забрала жизнь А Цзао! Иди к своей матери, спроси у нее, довольна ли она теперь?! Из-за нее наша семья разрушена!

— Дорогая… – только и смог пробормотать Хань Фан.

— Мой А Цзао был невинным ребенком! – продолжала плакать госпожа Лин, скривив лицо в страшной усмешке. – Он относился к Хань Хуэю как к своему старшему брату! А тот желал ему смерти! А моя болезнь?! Это все из-за издевательств твоей матери и невестки! В твоей семье невозможно жить! Это они убили моего А Цзао!!!

После этих слов она снова бросилась вперед, чтобы ударить Ла Мэй, но служащие Западной Ограды остановили ее. Они не смели применять силу, поэтому могли лишь преграждать ей дорогу. Поднялся страшный шум.

— Довольно! – крикнул Тан Фан, и его голос заглушил все остальные звуки.

Госпожа Лин замерла, глядя на него.

— Госпожа Лин, – обратился к ней Тан Фан. – Убийца найден, и мой долг выполнен, остальное – забота семьи Хань. Я не должен совать нос в чужие дела, но вы продолжаете говорить, что Хань Цзао относился к Хань Хуэю как к старшему брату. Тогда что насчет вас? Вы когда-нибудь относились к Хань Хуэю как к своему сыну?! – Тан Фан глубоко вздохнул: – Все в этом мире имеет причину и следствие. Когда вы усыновили Хань Хуэя, он был еще совсем маленьким ребенком, который едва мог ходить. Он в то время был не способен отличить добро от зла, не знал, что хорошо, а что плохо! Вы относились к нему предвзято из-за вашей свекрови. Это вы не научили его добру. Вы обвиняли его во всем, что происходило в вашей жизни, и постоянно оскорбляли его! Позже, когда родился Хань Цзао, вы слепо баловали его. Хань Хуэй видел несправедливость. Неужели вы думали, что это не отразится на нем? Неужели вы думали, что ему все равно? Недовольство в его сердце росло с каждым годом, пока не превратилось в негодование и даже ненависть. Все это привело к тому, что гнев застлал его разум, и он замыслил убить своего младшего брата. Конечно, он поступил ужасно. Убийство – это преступление, и по закону он должен быть обезглавлен. Однако вы действительно не чувствуете за собой вины? Спросите себя о том, из-за чего все это произошло. Что бы было, если бы изначально вы относились к Хань Хуэю и Хань Цзао одинаково?

Госпожа Лин ошеломленно уставилась на него. Ее руки, все еще поднятые в попытке ударить Ла Мэй, медленно опустились.

Госпожа Лин изменилась в лице. Замешательство, гнев, сожаление – все эти эмоции одна за другой отразились на нем, смешиваясь и перерастая в более сложные чувства.

Однако человеческое сердце скрыто от глаз людей. Тан Фан не знал, действительно ли госпожа Лин сожалела о своих прошлых поступках, но та медленно закрыла лицо руками и тихо всхлипнула.

Хань Фан, вздохнув, обнял ее и с горечью в голосе произнес:

— В том, что произошло, есть и моя вина!

Конечно, Хань Фан тоже был виноват в случившемся, однако он был учителем Императора, и Тан Фану не пристало слишком сильно критиковать его. В это время Ван Джи подал ему знак глазами, после чего они вдвоем покинули особняк Хань.

Оказавшись на улице, Ван Джи улыбнулся:

— Поскольку молодая госпожа Чжоу оказалась невиновна, я прикажу отпустить ее. Однако Ла Мэй необходимо задержать для допроса. Что касается Хань Хуэя, как только мы найдем его, дело будет закрыто. Ты оправдал мои ожидания, так быстро и аккуратно разрешив это дело. Получу признание Хань Хуэя – тотчас доложу Императору о твоих заслугах. В таком случае повышение на один ранг не заставит тебя долго ждать.

Однако Тан Фан не улыбался.

— Командующий Ван действительно считает, что дело закрыто?

Улыбка исчезла с лица Ван Джи, он холодно посмотрел на него, а затем медленно проговорил:

— Да. Убийца найден. Дело закрыто. Все закончилось.

— Командующий Ван, не обманывайтесь, – вздохнул Тан Фан. – Каким бы талантливым ни был Хань Хуэй, он не мог узнать, что в день убийства Хань Цзао Благородная наложница пошлет ему суп. Хань Хуэй не мог попасть во Дворец, а значит, у него был помощник. Кто-то из Дворца. Командующий Ван не считает это странным? Не кажется, что расследование стоит продолжить?

— Я займусь этим, – кивнул Ван Джи. – Но теперь это дело Западной Ограды. Тебе не нужно беспокоиться. Можешь расслабиться и ждать новостей о повышении.

Тан Фан прекрасно понимал, что Ван Джи хочет оставить его не у дел на случай, если откроется что-то, чего ему, Тан Фану, знать не следовало, чтобы по-тихому замести следы.

Видя, что тот молчит, Ван Джи продолжил:

— Тан Жунцин, меньше знаешь – крепче спишь. Как официальное лицо, ты должен меня понять. Не нужно подражать этим отвратительным гражданским чиновникам, которые вечно суют нос не в свое дело!

Тан Фан лишь развел руками:

— В таком случае Командующему Вану изначально не следовало доверять мне расследование. Если не ошибаюсь, Юань Лян, евнух наследного принца, и Фу Ру, служанка Благородной наложницы Ван, достаточно подозрительны. Советую Командующему Вану допросить их. И коли решил расследовать самостоятельно, убедись, что дело не выйдет из-под твоего контроля. Если Благородная наложница Ван прознает об этом, из-за Юань Ляна она решит, что это козни наследного принца, который хочет использовать смерть Хань Цзао, чтобы подставить ее. Она тотчас направится к Его Величеству. Командующий Ван, ты подумал о том, что тогда

произойдет?

— Конечно подумал! – сердито воскликнул Ван Джи. – Как будто ты один во всем мире заботишься о принце! Если ты, посторонний чиновник, вмешаешься, Благородную наложницу будет сложно держать в неведении. Лучше будет, если я сам проведу секретное расследование!

— Я не говорил, что собираюсь вмешиваться, – Тан Фан обратил на него свой невинный взор. – Командующий Ван, почему ты такой раздражительный?

— Ты отвратителен! – разозлился Ван Джи.

— Это дело не связано с наследным принцем, однако тебе нелегко придется, если кто-то прознает и захочет вовлечь его. Командующий Ван, пожалуйста, будь осторожен!

— Да знаю я! Знаю! – нетерпеливо огрызнулся Ван Джи. – Ты всего-навсего какой-то мелкий младший магистрат! Тебе не нужно беспокоиться по этому поводу. Если бы я хотел навредить принцу, я бы не стал рекомендовать тебя для расследования!

Убедившись, что его собеседник понимает, что поставлено на карту, Тан Фан наконец замолчал.

Причина, по которой Ван Джи хотел замять это дело, состояла в том, что он опасался, не вовлечены ли в него Благородная наложница и принц. Первая была его бывшей хозяйкой, а второй – Наследным принцем. И последнее, чего он хотел, это обидеть кого-то из этих двоих. И поскольку ни один из них не был связан с убийцей, Тан Фан верил, что тот сможет беспристрастно подойти к расследованию.

Служащие Западной Ограды, отправленные вдогонку Хань Хуэю, быстро поймали его. Испугавшись ареста, тот хотел прыгнуть в реку, но один из преследователей пнул его ногой в спину. Плавать Хань Хуэй не умел, поэтому долго бултыхался на одном месте, пока наконец не позволил служащим Западной Ограды выловить его из реки, тем самым положив конец погоне.

Из-за слов Ла Мэй у Хань Хуэя не было ни шанса отпереться. Его показания почти полностью совпадали с предположениями Тан Фана.

Сначала с ним связался Юань Лян, евнух наследного принца. Хань Хуэй не мог попасть во дворец, но он каждый день провожал туда Хань Цзао. У ворот дворца он и встретился с Юань Ляном, который уже выведал у Хань Цзао, что госпожа Лин очень плохо относится к Хань Хуэю. Евнух решил воспользоваться этим, чтобы соблазнить молодого господина Хань избавиться от младшего брата, добавив, что сможет прикрыть его, связав смерть мальчика с Дворцом.

Хань Хуэй, естественно, сначала был крайне шокирован этим предложением и категорически отказался. Юань Лян не стал давить на него, однако эти слова запали Хань Хуэю в душу. Юань Лян больше не поднимал этого вопроса, но молодой господин семьи Хань никак не мог выкинуть его предложение из головы, пока наконец не задумался над ним всерьез.

Хань Хуэй не смел признаться госпоже Лин, что состоит в отношениях с Ла Мэй, но та все

равно несколько раз видела, как он беседует со служанкой молодой госпожи Чжоу, из-за чего постоянно ругала и оскорбляла его. В конце концов Хань Хуэй не выдержал и, найдя Юань Ляна, согласился на его план.

То, что произошло после, ясно как день.

Юань Лян и Хань Хуэй заранее договорились о дате убийства. Накануне вечером Хань Хуэй отправился в комнату Хань Цзао, сказав, что хочет поспать сегодня с ним. Хоть они и не были родными друг другу, Хань Цзао очень уважал своего старшего брата, иначе бы не стал жаловаться Юань Ляну на то, что их мать плохо обращается с Хань Хуэем, и евнух бы никогда не узнал о напряжении, царившем в семье Хань.

Услышав, что Хань Хуэй хочет ночевать в его комнате, Хань Цзао с радостью согласился. У братьев была достаточно большая разница в возрасте, но они неплохо ладили друг с другом. Хань Хуэй изредка приходил к младшему брату поболтать и даже вздремнуть. В этом не было ничего подозрительного. Кто бы мог подумать, что Хань Хуэй воспользуется подвернувшейся возможностью, чтобы, выгадав время перед пробуждением Хань Цзао, воткнуть пол-иглы в его Точку Воды?

Игла была чрезвычайно тонкой и короткой, поэтому, войдя в Точку Воды, некоторое время находилась на поверхности, но после того, как Хань Цзао встал, оделся и принялся активно двигаться, начала проникать все глубже и глубже в тело, что в конечном итоге и привело к трагедии.

Хань Хуэй действовал по команде Юань Ляна. Однако о том, что произошло после того, как Хань Цзао вошел во дворец, и о том, как именно Юань Лян собирался прикрыть его, Хань Хуэй ничего не знал.

Хань Хуэй совершил преступление, убив своего брата из-за вспышки обиды и негодования. В законе Великой Мин существовало множество статей, так что и для него нашлась бы одна. Однако, как и сказал Тан Фан, дело это закрывать было рано. С чего вдруг Юань Лян вступил в сговор с Хань Хуэем? Это была его идея, или за ним также кто-то стоял? И наконец, откуда Юань Лян узнал о том, что в тот день Благородная наложница собирается отправить принцу фасолевый суп с лилиями? Имела ли придворная дама Фу Ру к этому отношение? Если да, то какую цель она преследовала?

Множество загадок осталось неразгаданными, но Тан Фан был бессилен что-либо предпринять, поскольку Ван Джи ясно дал понять, что не даст ему вмешаться в это дело. Пока убийца не был найден, он мог свободно входить и выходить из дворца ради расследования, однако сейчас Ван Джи отказался сопровождать его. Без разрешения Императора никто не мог свободно перемещаться по дворцу, особенно какой-то младший магистрат префектуры Шунтянь.

Любой другой на его месте остался бы доволен достигнутыми результатами, посчитав, что дело сделано. Однако Тан Фан чувствовал, что его остановили на половине пути. Поделать он с этим ничего не мог, поэтому, покинув Западную Ограду, направился прямо домой.

Все эти дни, он только и делал, что бегал туда-сюда, и во рту у него и маковой росинки не было. Теперь, немного расслабившись, Тан Фан, как и ожидалось, почувствовал себя крайне истощенным. Ощущение разочарования усилилось, когда, перешагнув порог дома, он

обнаружил, что А Дун нет дома, а Суй Джоу так и не вернулся с задания.

В том, что Суй Джоу еще не вернулся, не было ничего странного. Все-таки уехал он, как передали Тан Фану, в Цзянси по очень важному делу в спешке. Подробностей Тан Фан не знал, но решил не расспрашивать служащих Северного Двора понапрасну.

Малютка А Дун же, привыкнув к новому дому, познакомилась с соседями и, поскольку рядом жило несколько девочек ее возраста, с которыми она неплохо ладила, начала частенько убегать из дому, и порой заигрывалась допоздна, к тому же их родители нередко приглашали ее поесть с ними. Кроме того, она очень подружилась с Суй Би. Казалось, что девочка была необычайно дружелюбной и общительной от природы, чем очень напоминала своего старшего братца, Тан Фана. (Последнее, впрочем, – наглое замечание самого господина Тана).

В эти дни Тан Фана частенько не было дома, едва ли он мог позволить себе трехразовое питание. А Дун было очень скучно сидеть одной в четырех стенах. Конечно же, она постоянно сбегала к друзьям. Поэтому сегодня, вернувшись домой так рано, Тан Фан не застал там никого, кто мог бы приготовить ему обед.

Заметив, что из трубы на кухне не идет дым, господин Тан был очень разочарован.

Раньше, живя один, он не особо переживал по этому поводу. Однако теперь, после того как привык к ощущению, что у него есть семья, внезапно вернувшись к прежней холостяцкой жизни, он почувствовал себя невероятно потерянным.

— Легко перейти от нужды к роскоши, а вот от роскоши к нужде – тяжело (Сыма Гуан, 11 век), – вздохнул Тан Фан и направился на кухню, чтобы посмотреть, не оставила ли А Дун чего-нибудь поесть.

Немного покопавшись, он, к превеликой радости, обнаружил тарелку белых нежных рисовых булочек с фасолью и кунжутом.

Они уже остыли, но Тан Фан решил, что это не так уж и важно: выпечку можно и холодной поесть. Ему было слишком лень готовить самому, да к тому же, из этого все равно бы не вышло ничего хорошего, поэтому он принялся жевать булочки, запивая их простой водой.

Из-за того, что он ел что-то столь тяжелое вроде клейкого риса на голодный желудок, да еще запивал это все дело водой, его живот тотчас вздулся и ужасно заболел. Молча скорчившись от боли, господин Тан сидел, размышляя, стоит ли ему сходить к врачу или лучше потерпеть и подождать, пока боль сама утихнет.

В это время со двора раздался стук.

Тан Фану пришлось встать и, схватившись за живот, доплестись до ворот.

Он думал, что это А Дун, но, отперев засов, обнаружил снаружи двух незнакомых девушек.

Стучавшей оказалась молоденькая служанка, а второй – хорошенькая девушка из, должно быть, достаточно обеспеченной семьи, одетая в розовое платье с прямым воротником, узкими рукавами и складчатым подолом.

Тан Фан несколько опешил, тогда как девушки, казалось, удивились еще сильнее.

Молоденькая служанка отступила на пару шагов и, взглянув на табличку над воротами, пробормотала себе под нос:

— Вроде мы не ошиблись…

— Кого вы ищите? – спросил их Тан Фан.

— Мы ищем Байху Суй, – проговорила служанка. – Он здесь больше не живет?

— А! – отозвался Тан Фан. – Он по-прежнему живет тут, но недавно уехал по делам. Я его друг и живу с ним. Вы можете вернуться через несколько дней, если хотите видеть его.

Однако служанка была явно не намерена сдаваться. Оглядев его с головы до ног, она выдала:

— Что еще за друг? Почему мы о тебе не слышали?

Тан Фан был одет в светло-голубые хлопковые одежды с шелковым поясом. Поленившись, он, по возвращении домой, не стал вешать на пояс модных в то время нефритовых подвесок. К тому же из-за своего нахмуренного от боли лица он напоминал неудачливого ученого, неоднократно провалившего Императорский экзамен. Разглядеть в нем императорского чиновника было непросто.

Служанка с очевидным подозрением отнеслась к заявлению Тан Фана о том, что он был другом Суй Джоу.

Девушка позади нее слегка нахмурилась. Казалось, что она приняла Тан Фана за вора, который пробрался в дом, пока хозяин был в отъезде.

— Могу я узнать ваше имя, милостивый господин? Мой двоюродный брат с рождения любит одиночество. Как он мог пригласить тебя жить с ним?

Господин Тан несколько растерялся: не то чтобы он привык всем нравиться, или что-то в этом роде… Но раньше ему никогда не приходилось сталкиваться с подобным безосновательным презрением.

Кроме того, как можно с рождения любить одиночество? Если бы не проблемы в семье, Суй Джоу, скорее всего, не стал бы съезжать от родителей. Судя по всему, эта маленькая кузина совсем не знала Суй Джоу.

— Меня зовут Тан Фан, я работаю в префектуре Шунтянь. Я не смог найти жилье, поэтому ваш двоюродный брат согласился помочь мне, и я пока что живу здесь.

После того как он представился, подозрения девушки, кажется, несколько ослабли:

— Что ж, в таком случае мы, пожалуй, пойдем. Подождем его возвращения. Прошу, передай ему, что я искала его.

— Ваша фамилия «Чжоу»?

Девушка утвердительно кивнула.

Тан Фан знал, что у бабушки Суй Джоу кроме матери Суй Джоу также был сын. Он был чиновником в другой провинции, и его семья переехала вместе с ним из столицы, однако теперь они вернулись. Возможно, они приехали, чтобы навестить старших родственников, а может, и насовсем.

Однако спрашивать о подобном было бы невежливо, потому Тан Фан ответил лишь:

— Не волнуйтесь. Когда Гуанчуань вернется, я обязательно сообщу ему.

Девушка утвердительно хмыкнула, а затем несколько удивленно поинтересовалась:

— Ты зовешь моего двоюродного брата по имени в быту? Он разрешает тебе?

Тан Фан был несколько озадачен. «Разве товарищи не зовут друг друга так? – подумал он. – Что в этом странного?»

— Мой двоюродный брат очень нелюдимый, – девушка захлопала ресницами. – Я не помню, чтобы у него были друзья. Кажется, у тебя с ним хорошие отношения!

Тан Фан улыбнулся, не желая больше продолжать разговор:

— Видимо.

Из того, что ему было известно, у Суй Джоу, действительно, было не так много друзей. Но это вовсе не означало, что тот был замкнутым или что-то в этом роде. У него в подчинении находилась сотня беспрекословно подчиняющихся ему служащих Северного Двора. Будь он действительно «нелюдимым», ни за что бы не смог справиться с ними. Суй Джоу был сдержанным, не особо разговорчивым, серьезным и ответственным. Ну, может, еще выглядел немного холодным, и все.

Девушка казалась очень любопытной, и продолжала задавать вопросы о Суй Джоу. Однако у Тан Фана сильно болел живот, и совсем не осталось сил разговаривать с ней. Куда-то внезапно подевались и извечная легкая улыбка, и вежливая манера речи.

Наконец заметив нежелание Тан Фана продолжать диалог, его собеседница несколько рассердилась. Бросив на него недовольный взгляд, она развернулась и зашагала прочь.

Служанка поспешила за ней, не забыв, однако, перед этим также смерить Тан Фана презрительным взглядом.

В другое время Тан Фану это показалось бы несколько забавным, но сейчас ему не было дела до того, какое впечатление он произвел на этих двоих, так как за время разговора живот разболелся еще сильнее.

Ему было так больно, что, не в силах больше стоять, держась за дверной косяк, он скрючился и опустился прямо на порог.

Послышались быстрые шаги. Подняв глаза, Тан Фан увидел служащих Западной Ограды.

— Независимо от срочности дела… я не смогу сдвинуться с места, – господин Тан еле шевелил губами.

Он поклялся себе больше никогда не есть рисовые булочки натощак.

***

Послесловие автора:

В сегодняшней главе снова больше 8000 иероглифов!

Скорее лайкайте эту большую и тяжелую главу! (Наглая, как господин Тан)

Что касается ошибок, которые допустил убийца, господин Тан уже говорил об этом, так что я не буду повторять дважды. Самое главное, по словам господина Тана, это первая произнесенная мальчиком-слугой фраза при встрече с Хань Хуэем. Именно тогда Тан Фан и разоблачил его. Человек, у которого хорошие отношения с братом, узнав о его смерти и о том, что его слуга сидит под стражей, не стал бы просто посылать слуге еду, не попытавшись расспросить о случившемся.

***

Примечания переводчика:

«Конечно, Хань Фан тоже был виноват в случившемся, однако он был учителем Императора, и Тан Фану не пристало слишком сильно критиковать его» Меня немного разозлил ТФ… Или критикуй обоих, или помолчи. Нашел на кого ругаться… Смелый какой, посмотрите на него. Конечно, он правду сказал, но раз уж начал выговор больной несчастной женщине делать, то уж и мужу ее выскажи за то, что тот не защитил жену от матери, за то, что, как минимум, не съехал от таких родителей, не оградил жену, не защитил сына от нее…

И вообще… выступил он зачем? Что сейчас изменил бы? Она потеряла обоих детей! Она не сможет ничего исправить! Она больная, неуравновешенная, несчастная мать, которую довели родственнички… Да, она поступала ужасно, но теперь, из-за слов ТФ все, что она может сделать, это покончить с собой из-за чувства вины. Молодец, ничего не скажешь! Так и надо, страдай животом!

Что касается Хань Хуэя… у меня не получается его сильно осуждать. Я почему-то как представлю его ситуацию, так мне тоже убивать хочется. Но уж лучше бы он мать порешил, чем брата, который ему ничего плохого не сделал.

Аахахха… а вот и девушка появилась. Правда, в дораме она не была двоюродной сестрой СД, да и досталось ТФ от нее похлеще. А тут… можно сказать, легко отделался. Скажи спасибо, палкой не избили)))

Когда ТФ страдал от поврежденного горла, я лежала простуженная и кашляла. Теперь, когда у ТФ болит живот, я тоже сижу, скрючившись от боли… Надеюсь, что это просто совпадение, а то я начинаю всерьез опасаться за свое здоровье… а то мало ли… дальше всякое будет…